

Парцеллированная структура и фигура умолчания как синтаксические средства выразительности в текстах рассказов В.М. Шукшина

Пиябхорн Конгсаенгпхак*

факультет свободных искусств, Университет Таммасат, Таиланд

Parcelled structure and figure of aposiopesis as syntactic meaning of expression in the V.M. Shukshin's stories

Piyabhorn Kongseangphak*

Faculty of Liberal Arts, Thammasat University, Thailand

Article Info

Research Article

Article History:

Received 14 March 2022

Revised 26 October 2022

Accepted 3 November 2022

Ключевые слова

парцелляция,
фигура умолчания,
синтаксические средства
выразительности,
художественный текст,
функциональная
специфика

Аннотация

В данном исследовании рассматриваются парцеллированные структуры и фигура умолчания как синтаксические средства выразительности в рассказах В.М. Шукшина. Целями исследования являются: 1) выявить особенности функционирования парцеллированных структур и фигуры умолчания в пространстве ХТ; 2) определить спектр их значений; 3) рассмотреть их специфику как элементов ХТ (микротекста), участвующих в формировании концептуальной информации.

В данной работе реализованы выборочный, описательный и семантико-контекстуальный методы. Материалом для анализа послужили парцеллированные структуры и фигура умолчания, полученные в результате сплошной выборки из художественных рассказов В. М. Шукшина.

В результате исследования установлено следующее:

1. Парцеллированная структура занимает особое место в творческой манере В. М. Шукшина. Употребление данной структуры в рассказах реализует характерологическую, изобразительную и эмоционально-выделительную функции. Реализуя *характерологическую функцию*, парцелляты употребляются со значением признака: по форме этого определения, согласованные и несогласованные. *Изобразительная функция* соответственно выражается в предметно-обстоятельственном уточнении картины повествования, в конкретизации, перечислении дополнительных действий персонажей. *Эмоционально-выделительная функция* парцеллятов выражает особое эмоциональное состояние говорящего (персонажей или рассказчика).

* Corresponding author

E-mail address:

piyabhorn.k@hotmail.com

Keywords:

parcelling,
the figures of aposiopesis,
syntactic meaning of
expression,
literary text,
functional specifics

Аннотация

2. Характеристика функций фигуры умолчания в художественных текстах предполагает прежде всего функциональный аспект, выявление целей применения этого приема в тексте художественного произведения, частных функций, которые она выполняет. Фигура умолчания в рассказах В.М. Шукшина полифункциональна. Основными функциями являются *эвфемистическая, изобразительная, психологическая (эмотивная), экспрессивный ограничитель, демонстрация несформированности мысли, передача отношений противопоставления между наличествующей и опущенной частями и акциональная*, подразумевающая выполнение какого-либо действия в молчании.

Возможно, было бы полезно провести исследование об использовании других синтаксических средств выразительности в разных текстах: функционально-стилистических типах текста, например, публицистический (СМИ, агитационный) и др. Дополнительные исследования обеспечат более глубокое, многостороннее понимание функциональной природы синтаксических средств выразительности в русском языке.

Abstract

In this study, parcelled structures and figures of aposiopesis are considered as syntactic meaning of expression in V.M. Shukshin's stories. The objectives of the study are: 1) to identify features of the functioning of parcelled structures and figures of aposiopesis in a literary text; 2) to define the variety of their meanings; 3) to consider their specifics as elements of a literary text (microtext) involved in the formation of conceptual information.

The following research methods are implemented: selective, descriptive and semantic-contextual. The material for the analysis was the parcelled structures and the figures of aposiopesis obtained as a result of a thorough sampling from V. M. Shukshin's literary stories. The study found that:

1. The parcelled structure occupies a special place in the creative manner of V. M. Shukshin. The use of this structure in his stories implements characterological, pictorial, and emotional-excretory functions. *Concerning the characterological function*, the parcels are used with the meaning of attributes, in the form of consistent and

Abstract

inconsistent definitions. *The pictorial function* expresses subject-circumstantial clarifications of narrative pictures with the use of concretization and enumeration of additional actions of characters. *The emotional-excretory function* of the parcels conveys a special emotional state of speakers (characters or narrators).

2. The functional characteristic of the figures of aposiopesis in literary texts assumes, first of all to the particular function it performs, which is an identification of the purposes of using this technique in the text of a literary creation. The figures of aposiopesis in the V.M. Shukshins' stories are multifunctional. The main functions are *euphemistic function, pictorial function, psychological (emotive) function, expressive limiter, demonstration of unformed thoughts, transfer of the relations of opposition between the present, and omitted parts and action*, implying the performance of an action in silence.

Perhaps it would be useful to continue conducting research on the use of other syntactic meanings of expressions in different classifications of texts, namely media texts and propaganda. The additional studies mentioned above will provide a better and more comprehensive understanding of syntactic meaning of expression in the Russian language.

1. Введение

Современный русский язык характеризуется интенсивным развитием системы средств выражения смыслов в художественном тексте посредством синтаксических связей, отношений и особых конструкций. Парцеллированная структура и фигура умолчания как синтаксические средства выразительности играют особую роль в организации художественных текстов (ХТ).

Как известно, ХТ является результатом искусственного моделирования действительности. Его создание – это сложный процесс презентации концепции (замысла) писателя. В этом принимают участия языковых единиц всех уровней.

Комплексный анализ языковых единиц разной сложности традиционно является основополагающим в исследовании ХТ. При этом взаимодействие синтаксических единиц в ХТ является эффективным средством выражения авторских интенций и образования контекстуальных и концептуальных смыслов (Мокроусова, 2011, с. 79).

Определенно парцеляция и умолчание (апозиопезис) представляют собой одно из активно употребляемых средств передачи авторских смыслов, из которых в значительной степени складывается концептуальная информация произведения.

В художественном произведении данные синтаксические средства выразительности полифункционалы: они выполняют коммуникативную, а также эстетическую функции, реализуя их в комплексе с различными выразительными элементами, помогающими создать задуманный автором образ персонажа, а также смоделированную действительность. Употребление данных синтаксических структур в ХТ трудно переоценить. Это не просто форма – она осмысленная, функционально нагруженная, реализующая в тексте единство «форма – семантика – функция».

Действительно, парцеллированная структура и фигура умолчания как синтаксические средства выразительности не ограничиваются набором элементов, определяющих их специфику.

Цель исследования

Цель исследования – выявить функциональную специфику парцеллированной структуры и фигуры умолчания как синтаксические средства выразительности в ХТ на материале рассказов В.М. Шукшина. Указанная цель предполагает решение следующих задач;

- 1) выявить особенности функционирования парцеллированных структур и фигуры умолчания в пространстве ХТ;
- 2) определить спектр их значений;

3) рассмотреть их специфику как элементов ХТ (микротекста), участвующих в формировании концептуальной информации.

Гипотеза

Парцеллированная структура и фигура умолчания как синтаксические средства выразительности в ХТ придают речи многозначительность.

Парцеллированная структура является расчленением последовательного текста на несколько интонационно и пунктуационно независимых частей и также характеризует эмоциональную оценку или эмоциональное состояние.

Фигура умолчания служит средством передачи взволнованности речи и широко используется при манипулировании сознанием. Часто автор употребляет этот стилистический приём для ограничения намёком.

Материалы исследования

Материалом для анализа послужили синтаксические средства выразительности, как парцеллированная структура и фигура умолчания, полученные в результате сплошной выборки из различных художественных рассказов В.М. Шукшина.

Методы исследования

Основные **методы**, использованные в работе: выборочный метод; описательный, представленный приемами наблюдения; семантико-контекстуальный метод, направленный на обнаружение специфики синтагматики анализируемых единиц в художественном контексте.

2. Обзор научно-исследовательских работ

Вопросы, освещаемые в настоящей работе, рассмотрены с учетом множества исследований последних лет, а также трудов по общей и специальной терминологии в русской лингвистике. Например, их исследованию посвящены работы таких ученых, как В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, А.К. Васильева, В.П. Григорьев, В.А. Кухаренко, Д.К. Шмелев, В.Д. Левин, Л.Г. Барлас, И.И. Ковтунова, А.Ф. Прияткина и др.

Художественный стиль (ХС) занимает особое место в системе функциональных стилей современного литературного языка. По поводу его существования существуют научные споры. Далеко не все исследователи признают его стилевой характер. Это одна из сложных и долговременных лингвистических дискуссий. Такие ученые, как А.К. Панфилов, Л.Г. Барлас, Д.К. Шмелев не признают наличия ХС, считают, что это явление особого рода, не соотносимое с понятием функционального стиля. Эти исследователи

ведут речь о языке художественной литературы на том основании, что здесь работают языковые средства, функционирующие во всех стилях речи. Говорят и об особом поэтическом языке (Винокур, 1991, с. 105).

Однако для художественной речи все же существуют общие признаки. Это прежде всего общая, свойственная всему ХС *функция воздействия* через индивидуальное образное моделирование мира. Объединяющей *доминантой* ХС выступает эстетическая значимость и образность речи. Она обуславливает лексическое богатство, использование различных тропов, эстетическое (образное) значение всех элементов речи. Эта доминанта работает во всех проявлениях ХС: в авторской речи, в речи персонажей, в устной художественной речи. Поэтому Б.Н. Головин, М.Н. Кожина, О.Б. Сиротинина и др. исследователи настаивают на возможности выделения ХС наряду с другими.

Н.В. Черемисина в своих исследованиях доказывает, что в художественной речи (ХР) свой закон интонационной организации. Она считает, что в художественных произведениях работает принцип «золотого сечения». Это проявление симметрии, имеющей эстетическую значимость (Черемисина, 1989, с. 39).

М.Н. Кожина считает, что общей основной стилевой чертой ХР художественно-образную речевую конкретизацию. Это предполагает такую системную организацию ХР, которая способна переводить слово-понятие в слово-образ через целую систему конкретизирующих лингвистических средств. Образная конкретизация осуществляется многочисленными средствами. Т.е., каждый элемент, деталь, предмет, явление, состояние должны быть подробно, конкретно описаны (Кожина, 1987, с. 14).

М.Н. Кожина доказывает еще, что в художественном тексте (ХТ) синтаксис реализует две основные функции – коммуникативную и эстетическую – в комплексе со средствами экспрессивизации других уровней языка. Спецификой русского синтаксиса, как считают многие ученые, является относительно свободный порядок слов, который является причиной синтаксической гибкости, синтаксической синонимии, создающей возможности для воплощения авторских интенций. У каждого писателя свои синтаксические предпочтения, собственная система любимых средств экспрессивизации речи, наиболее органично соответствующая его художественному миру.

Синтаксические средства выразительности в художественном произведении весьма разнообразны как по форме, так и по специфике передаваемых ими смыслов: это функциональные типы предложений; это и структурно-семантические разновидности: полные – неполные; двусоставные – односоставные; сложные предложения, передающие разнообразные отношения между ситуациями.

Парцелляция представляет собой явление синтаксической расчлененности. Суть этого явления – в расчлененности целостной единицы. Специфика явления заключается в том, что парцелляция коммуникативно и структурно несамостоятелна. Парцелляция основывается на передачи мысли, оформленной пунктуационно и интонационно, это сжатие информации для четкого выделения отрезка структуры, характеризуемой смысловым ударением. Это ядро смысла синтаксической единицы, которая не является при этом синтаксически завершенной структурой (Прияткина, 1990, с. 45).

Парцелляция – интереснейшее, но, к сожалению, мало изученное явление синтаксической расчлененности. Многие синтаксисты считают, что парцелляция – явление динамичное, популярное, особенно в публицистике и ХТ. Е.А. Иванчикова считает, что парцелляция – следствие экстралингвистических факторов. Она обращается к сложным предложениям (за исключением бессоюзных сложных предложений). Ученый выделяет а) конструкции, парцелляция которых структурно облегчена и б) конструкции, парцелляция которых структурно затруднена (Иванчикова, 1968, с. 285).

В зависимости от характера отношений словесных элементов синтаксического ряда Ю.В. Ванников выделяет два типа парцелляций: прогнозируемые и непрогнозируемые. Первые охватывают структурно необходимые элементы: подлежащие и сказуемые (Ванников, 1978, с. 130).

М.А. Авласевич типологизирует парцелляты по признаку зависимости их от основной, базовой, части структуры. Сложные предложения оказались в зоне легко парцеллируемых. Исследования этих ученых стали базовыми для последующих изысканий. Обычно отмечается, что в коммуникативном аспекте идет удвоение рематического компонента (Авласевич, 1973, с. 21).

Е. П. Сеничкина указывает на использование апозиопезиса вместо табуированной лексики. Она отмечает, что умолчание (апозиопезис) – стилистическая фигура, которая выражает незаконченные мысли намеком. Автор или рассказчик как бы объявляет, что не будет говорить о предметах. Иногда стилистический эффект умолчания дополняется выразительным жестом. Также умолчание показывает особую эмоциональность речи и привлекает контекстуальное воображение читателя (Сеничкина, 2003, с. 92).

3. Результаты исследования и их обсуждения

ХС обладает самым высоким индексом разнообразия выразительных средств в силу своей доминанты – образности и эстетической значимости каждого своего элемента. Основная функция, которой подчинены все законы организации ХТ, – воздействие на адресата. Известно, что ХТ является

резултатом искусственного моделирования действительности. Его создание – это сложный процесс репрезентации концепции (замысла) языковыми средствами. При этом единицы других уровней работают в составе синтаксической единицы.

Особое место в системе синтаксических средств выразительности в силу их популярности и полифункциональности принадлежит парцеллированной структуре и фигуре умолчания.

Парцелляция представляет собой явление синтаксической расчлененности: это расчлененное целое. Его специфика – в коммуникативной и структурной несамостоятельности парцелляции, характеризуемого смысловым ударением. В ХТ парцелляция – особый прием, используемый художниками слова в разных целях.

Парцеллированные структуры в рассказах В.М. Шукшина несут на себе определенную функциональную нагрузку, изображая, детализируя, оценивая героев повествования и описываемые ситуации, акцентируя внимание читателя на эмоционально-изобразительном плане рассказов, которые, являясь малым художественным жанром, очень насыщены авторскими смыслами. Известно, что в художественном тексте эстетически и содержательно значим каждый элемент.

По результатам данного исследования можно сделать вывод, что парцеллированная структура в рассказах В. Шукшина реализует определенные функции: *характерологическую, изобразительную и эмоционально-выделительную*. Рассмотрим каждую функцию подробно.

1) *Характерологическая функция*. Парцелляты, выполняющие характерологическую функцию, как правило, имеют значение признака. По форме это определения, согласованные и несогласованные.

1.1 Характерологическая функция с выражением различных характеристик предметов.

В рассказе «*Дебил*» используется парцеллированная структура в характерологической функции с дополнительными оценочными признаками предметов. Приведем примеры:

“Анатолий купил шляпу. *Славную такую, с лентой, с продольной луночкой по верху, с вмятинками – там, где пальцами браться*” (Шукшин, 1971). Здесь парцеллят сообщает признак предмета и отвечает на вопрос «Какую шляпу?».

“У нас эту мелочь зовут мулишками. Муль - рыбка такая. *Ма-аленъкая...*” (Шукшин, 1971). Парцеллят «*Ма-аленъкая...*» определяет дополнительные детали предмета и отвечает на вопрос «Какая рыбка?».

В рассказе «*Охота жить*» тоже можно выделить парцеллированные структуры в характерологической функции с дополнительными оценочными признаками предметов. Рассмотрим примеры:

“Парень распоясался, снял фуфайку... Прошелся по избушке. *Широкоплечий, статный*” (Шукшин, 1967). Парцеллят «*Широкоплечий, статный*» указывает на дополнительные детали предмета «парень» и отвечает на вопрос «Какой парень?» (или «Как выглядит парень?»).

“Я вон лонись [в прошлом году] нашел одного - вытаял весной. *Молодой тоже. Тоже с бородкой*” (Шукшин, 1967). Парцеллят «*Молодой тоже. Тоже с бородкой*» обозначает признак предмета (какой-то человек, у которого имеются такие характеристики) и отвечает на вопрос «Как выглядит этот человек?».

В рассказе «*Экзамен*» мы наблюдаем парцеллированную структуру в характерологической функции с дополнительными оценочными признаками предметов: “Профессор внимательно посмотрел на студента, и опять ему почему-то подумалось, что автор «Слова» был юноша с голубыми глазами. *Злой и твердый*” (Шукшин, 1962).

Парцеллят «*Злой и твердый*» указывает на признак предмета «студент» и отвечает на вопрос «Как выглядит студент?».

В рассказе «*Осенью*» употребляется следующая парцеллированная структура в характерологической функции с дополнительными оценочными признаками предметов: “Была в их селе девка Марья Ермилова, красавица. *Круглицая, румяная, приветливая...*” (Шукшин, 1973).

В позиции парцеллята «*Круглицая, румяная, приветливая...*» дает характеристику предмета (лица) «Марья Ермилова» и отвечает на вопрос «Как выглядит Марья Ермилова?».

1.2 Характерологическая функция с мотивирующими значениями, объясняющими поведение персонажа, причину восприятия ситуации или предмета речи. Приведем примеры:

В рассказе «*Чудик*» употребляется следующая парцеллированная структура с мотивирующими значениями: “У нас в соседней деревне один дурак тоже... Схватил головешку - и за матерью. *Пьяный*” (Шукшин, 1967). В позиции парцеллята «*Пьяный*» показывает поведение персонажа «один дурак».

В рассказе «*Дебил*» тоже наблюдаем парцеллированную структуру с мотивирующими значениями: “По дороге он купил в мебельном этажерку. От шоссе до дома шел не торопясь; на руке, на отлете этажерочка, на голове шляпа. *Трезвый*” (Шукшин, 1971). В позиции парцеллята «*Трезвый*» показывает поведение персонажа «он».

В рассказе «*Охота жить*» употребляется такая парцеллированная структура с мотивирующими значениями, как “Наскучал один-то, - Никитич тоже улыбнулся. Парень все больше и больше нравился ему. **Молодой, сильный, красивый**” (Шукшин, 1967). В позиции парцеллята «**Молодой, сильный, красивый.**» объясняет причину восприятия предмета речи: «Почему все больше и больше нравился ему?».

В рассказе «*Лёнька*» тоже употребляется парцеллированная структура с мотивирующими значениями: “Было уже темно. **И сырь.** Пал туман” (Шукшин, 1962). В позиции парцеллята «**И сырь.**» объясняет причину восприятия ситуации - «Какое было состояние?».

В рассказе «*Операция Ефима Пьяных*» встречается следующая парцеллированная структура с мотивирующими значениями: “Домой пришел рано. **Мрачный**” (Шукшин, 1970). В позиции парцеллята «**Мрачный.**» показывает поведение персонажа в контексте: «В каком состоянии он был, когда домой пришел?».

В рассказе «*Светлые души*» рассмотрим такую парцеллированную структуру с мотивирующими значениями: “Бери вон блинцы со сметанкой. **Из новой пшеницы**” (Шукшин, 1961). В позиции парцеллята «**Из новой пшеницы.**» объясняет причину восприятия ситуации : «Блинцы с какой сметанкой?».

В рассказе «*Правда*» тоже употребляется парцеллированная структура с мотивирующими значениями: “Это же не стихийное бедствие, это безалаберность. **Халатность**” (Шукшин, 1961). В позиции парцеллята «**Халатность.**» указывает на причину такого поведения предмета речи: «Почему он так делает?».

В рассказе «*Стенька Разин*» употребляется парцеллированная структура с мотивирующими значениями: “Я женщин люблю. **Красивых, конечно**” (Шукшин, 1962). В позиции парцеллята «**Красивых, конечно.**» указывает на причину поведения предмета речи: «Почему автор так считает?».

2) *Изобразительная функция парцеллятов*, выражаясь в предметно-обстоятельственном уточнении картины повествования, в конкретизации, перечислении дополнительных действий персонажей.

2.1 Изобразительная функция со словом, обозначающим предмет. Такой пример находим в рассказе «*Чередниченко и цирк*»: “Он за дорогу накрутил себе хвоста – заявился смелый и решительный. **Чередниченко Николай Петрович. Плановик**” (Шукшин, 1970).

В позиции парцеллята «**Чередниченко Николай Петрович. Плановик.**» обозначает предмет: имя и должность/профессию человека.

2.2 Изобразительная функция с объектным значением. Рассмотрим пример из рассказа «Чудик»: «А он прет, пьяная харя. **На мать**» (Шукшин, 1967).

В позиции парцеллята **«На мать.»** характеризует объектное значение, несущее информацию о том, на *кого он прет*.

2.3 Изобразительная функция с предикативным значением.

В рассказе «Дебил» прослеживается изобразительная функция парцеллята с предикативным значением. Приведем примеры:

«Он купил конфет, пряников, три плитки шоколада. **И отошел в сторонку, чтобы уложить**» (Шукшин, 1971). В позиции парцеллята **«И отошел в сторонку, чтобы уложить.»** имеет предикативное значение.

«Это смотря в каком направлении думать. Можно, например, весь день усиленно думать, а оказывается, ты обдумывал, как ловчей магазин подломить. **Или, допустим, насолить теще...**» (Шукшин, 1971). В позиции парцеллята **«Или, допустим, насолить теще...»** имеет предикативное значение.

Рассмотрим примеры из рассказа «Срезал»:

«Кандидат искренне засмеялся. **Но засмеялся один... И почувствовал неловкость**» (Шукшин, 1970). В позиции парцеллята **«Но засмеялся один... И почувствовал неловкость.»** имеет предикативное значение.

«Кандидаты засмеялись. Глеб Капустин тоже улыбнулся. **И терпеливо ждал, когда кандидаты отсмеются**» (Шукшин, 1970). В позиции парцеллята **«Но засмеялся один... И терпеливо ждал, когда кандидаты отсмеются.»** имеет предикативное значение.

«К старухе Агафье Журавлевой приехал сын Константин Иванович. С женой и дочерью. **Попроводовать, отдохнуть**» (Шукшин, 1970). В позиции парцеллята **«Попроводовать, отдохнуть»** имеет значение предиката (выражается однородными членами – глаголами).

В рассказе «Осенью» также употребляется парцеллированная структура с предикативным значением: «Филипп изо всех сил держался за кузов, смотрел на Павла, не узнавал его. **И ничего не понимал**» (Шукшин, 1973). В позиции парцеллята **«И ничего не понимал.»** выступает в качестве предикативной части.

Парцеллированная структура с предикативным значением использована и в рассказе «Волки»: «Иван полежал, подумал... **И стал одеваться**» (Шукшин, 1967). Парцеллят **«И стал одеваться.»** представляет собой предикативную часть.

2.4 Изобразительная функция со значением обстоятельств: уточнение хронотопа и количественных характеристик. Приведем примеры из рассказа «Экзамен»:

“Ну, как же! Что тут сложного? – Профессор опять стал быстро ходить по аудитории. Он сердился на себя, но замолчать уже не мог. Заговорил отчетливо и громко: – Мне кажется, что я там ходил когда-то. *Давно. Во времена Игоря*” (Шукшин, 1962). В позиции парцеллята *«Давно. Во времена Игоря.»* обозначает точное время, показывает, когда происходила ситуация.

“Это хорошо, солдат. Это хорошо, что вы меня понимаете. «Слово» надо, конечно, прочитать. *И не раз*” (Шукшин, 1962). В позиции парцеллята *«И не раз.»* даёт количественную характеристику ситуации.

3) *Эмоционально-выделительная функция*. Парцелляты передают особое эмоциональное состояние персонажей или автора.

3.1 Эмоциональность передана посредством градационных рядов, нагнетающих степень восприятия персонажа и ситуации.

В рассказе *«Срезал»* наблюдаем эмоционально-выделительную функцию с нагнетающей степенью восприятия персонажа: “Глеб же Капустин по-прежнему неизменно удивлял. *Изумлял, восхищал даже*” (Шукшин, 1970). В позиции парцеллята *«Изумлял, восхищал даже.»* передает эмоции персонажа.

В рассказе *«Волки»* также отмечается эмоционально-выделительная функция парцеллята с нагнетающей степенью восприятия персонажа: “Отдохнуть человеку дают. Здесь - как проклятый: ни дня, ни ночи. *Ни воскресенья*” (Шукшин, 1967). В позиции парцеллята *«Ни воскресенья.»* передает отрицательное положение восприятия ситуации.

3.2 Эмоциональность передана грубо-просторечным устойчивым выражением, предваряющим заключительный парцеллят. Такой пример представлен в рассказе *«Дебил»*: “Слушайте, - заговорил учитель горячо и серьезно, – а давайте скинем туфли, рубашки и пройдемся! *Какого черта! Вместе*” (Шукшин, 1971). В позиции парцеллята грубо-просторечное устойчивое выражение *«Какого черта!»* выражает эмоции, предваряет заключительный парцеллят.

3.3 Эмоциональность передана обстоятельственными конкретизаторами, передающими эмоции персонажей.

Пример эмоционально-выделительной функции с обстоятельственными конкретизаторами можно увидеть в рассказе *«Дебил»*: “В гробу я вас всех видел. *В белых тапочках*” (Шукшин, 1971). В позиции парцеллята *«В белых тапочках.»* указывает на обстоятельственный конкретизатор предмета.

Рассмотрим пример из рассказа *«Горе»*: “Дед Нечай опять заплакал. *Громко*” (Шукшин, 1967). В позиции парцеллята *«Громко.»* указывает на обстоятельственный конкретизатор ситуации.

В рассказе *«Чудик»* парцеллят употребляется в эмоционально-выделительной функции с обстоятельственными конкретизаторами: “Ему

было больно. *И страшно*” (Шукшин, 1967). В позиции парцеллята «*И страшно*.» указывает на обстоятельственный конкретизатор ситуации в контексте.

Парцелляция может членить текст (преимущественно описание) в соответствии с композиционным замыслом, с признаками изображаемого объекта и также выделять наиболее яркие и важные элементы общей картины, наиболее значимые в данной ситуации элементы поведения персонажей, подчёркивать актуально значимые детали.

По результатам данного исследования можно сделать выводы, что умолчание (апозиопезис) – своего рода средство манипулирования сознанием, но имплицитное. Используя этот прием, автор ограничивается намёком. Умолчание вводит в речь многозначительность, побуждает адресата к домысливанию. Эта стилистическая фигура многопланова и дает достаточно возможностей для прогнозирования хода событий.

Фигура умолчания в рассказах В.М. Шукшина полифункциональна. К основным функциям можно отнести эвфемистическую, изобразительную, психологическую (эмотивную), экспрессивного ограничителя, демонстрации несформированности мысли, передачи отношений противопоставления между наличествующей и опущенной частями, акциональную, подразумевающую выполнение какого-либо действия в молчании. Фигура умолчания безусловно способствует появлению новых смыслов в восприятии адресата. Рассмотрим эти функции.

1) Эвфемистическая, иносказательная функция умолчания. Она проявляется в неназывании вещей своими именами, стремлении выразить мысль не прямо, а намеком. Выполнение эвфемистической функции связано с употреблением отмеченных номинаций, чтобы смягчить эффект высказывания. Приведем примеры.

В рассказе «*Солнце, старик и девушка*» читаем: “Внуков у меня много, любят меня. *По городам все теперь...*” (Шукшин, 1963). Здесь умолчание не что иное, как **тоска по этим самым внукам, проявление чувства одиночества**.

В рассказе «*Воскресная тоска*» В.М. Шукшин пишет: “**Я же знаю...** Я писатель как-никак” (Шукшин, 1962). Умолчание здесь выражает **намек на особое восприятие ситуации и понимание**.

В рассказе «*Коленчатые валы*» читаем следующую фразу: “*А в сельхозснаб сейчас ехать – вы же понимаете...*” (Шукшин, 1962). Умолчание здесь выражает **извинительную помету, так как человек торопится**.

В рассказе «*Ваня, ты как здесь?!*» читаем: “**Да, но у меня тесновато, Иван...**” (Шукшин, 1966). Умолчание здесь выражает **домысливание, отказ**.

В рассказе «Заревой дождь» умолчание показывает **скрытую просьбу**: «Все в порядке, сынок: **я понимаю. Я не жалуюсь... Мне бы только дочь...**» (Шукшин, 1966).

В рассказе «Заревой дождь» с помощью умолчания **домысливается характеристика Ефима** (персонажа из текста): **“Взять хоть тебя, Ефим...”** (Шукшин, 1966).

Еще умолчание показывает **нежелание уточнять**: «Ну, жил, думаю, **человек...** активничал там, **раскулачивал... э-э...** и все такое» («Заревой дождь», Шукшин, 1966).

В рассказе «Демагоги» читаем: **“Задержитесь у меня еще раз до ночи...”** (Шукшин, 1962). Здесь умолчание показывает **многообещающее приглашение**.

2) *Изобразительная функция* умолчания. Данная функция используется в качестве средства характеристики обстановки или восприятия, избегания излишней детализации. Реализуется она при помощи слов автора, героев и рассказчика. Слова автора выражают акцентирующие значения, которые автор по какой-то причине не высказал или прервал. Ниже приведём характерные примеры функции умолчания.

В рассказе «Лёнька» умолчание выполняет **фатическую функцию**: «Пейте чай-то. **Вот печенье берите...**» (Шукшин, 1962).

В рассказе «Стенька Разин» умолчание выражает **ход от детализации**: «Васека имел: двадцать четыре года от роду, один восемьдесят пять рост, **большой утиный нос... и невозможный характер**» (Шукшин, 1962).

В рассказе «Заревой дождь» умолчание служит **средством характеристики обстановки, ситуации**: **“Ефим сразу отяжелел в руках дочери, обвис... Его бережно положили на койку. Она вздрогнула, опустилась перед отцом на колени...”** (Шукшин, 1966).

3) *Психологическая функция*. Это средство усиления выразительности при передаче различных эмоций, переживаемых персонажем. В диалоге фигура умолчания может выполнять функцию психологической характеристики. Данная функция имеет богатое внутреннее содержание, она активна, так как определяется отношением говорящего к событиям или к определенному действующему лицу и его поступкам. Такое средство является синонимом к эмоциям, которые передают чувства говорящего: обиду, волнение, злость, любовь, счастье, восторг и т.п. Ниже приведем характерные примеры данной функции.

В рассказе «Далекие зимние вечера» посредством умолчания выражается **чувство недовольства**: **“Хватит тебе... распелась,- сказал Ванька”** (Шукшин, 1963).

В рассказе «Лёнька» тоже прослеживается психологическая функция умолчания. Примеры:

“*Тамара... Не сердись на меня... Измучился я весь...*” (Шукшин, 1962). Здесь умолчание выражает **извинение и страдание героя**.

“*Тамара, – сказал он вниз, глухо, – я большие не приду к тебе...*” (Шукшин, 1962). Здесь умолчание выражает **чувство смущения**.

“И устало улыбнулась. – *Подумаети...*” (Шукшин, 1962). Здесь умолчание выражает **скрытую обиду**.

Проанализируем психологическую функцию умолчания в рассказе «*Артист Федор Грай*»:

“*Забудем все наши споры... Умоляю: погромче. Больше ничего не требуется...*” (Шукшин, 1962). Здесь умолчание показывает **желание помириться и уйти от конфликта**.

“... *Я уже не могу...*” (Шукшин, 1962). Здесь умолчание показывает **обреченность героя**.

Психологическая функция умолчания реализуется и в рассказе «*Стёпкина любовь*». Примеры из текста приведены ниже.

“*Мы скоро поженимся, Степа...*” (Шукшин, 1961). Здесь умолчание выражает **просьбу, надежду**.

“*Городская ж она... черт их поймет, чего им надо...*” (Шукшин, 1961). Здесь умолчание показывает **домысливание оценочных характеристик**.

В рассказе «*Воскресная тоска*» умолчание выражает **пренебрежение**: “*Пошел ты...*” (Шукшин, 1962).

В рассказе «*Критики*» умолчание выражает чувство **обиды, недовольства и раздражения**:

“*Ты мне усмешечки, а я тебе – одно слово!.. Слово скажу тебе, и ты замолкнешь. Если я дурак, как ты говоришь...*” (Шукшин, 1964).

Выражает **чувство упрека**: “*Удосужил ты меня...* – все приговаривал отец Петьки и нехорошо скалился.” (Шукшин, 1994).

4) **Функция экспрессивного ограничителя** реализуется в качестве средства ослабления резкости субъективно-модальных значений. Рассмотрим примеры ниже.

В рассказе «*Правда*» наблюдается умолчание с функцией экспрессивного ограничителя: “*Брось ты... Поставить себя хочешь*” (Шукшин, 1961). Умолчание в этом контексте реализует **ослабление субъективного значения**.

В рассказе «*Стенька Разин*» умолчание с функцией экспрессивного ограничителя также характеризует **ослабление субъективного значения**: “*Не надо, Захарыч...*” (Шукшин, 1962).

В рассказе «*Стёпкина любовь*» умолчание с функцией экспрессивного ограничителя характеризует **ослабление резкости модального значения**: «*А то...* Ты вечно, Степка, наобум Лазаря действуешь.”; “Я могу, конечно, сходить, - заговорил он, – **но только...** я думаю, не пойдет она за тебя” (Шукшин, 1961). То же явление наблюдаем в рассказе «*Лёля Селезнёва с факультета журналистики*»: “*Это...* Ну ладно” (Шукшин, 1962).

В рассказе «*Ваня, ты как здесь?*» используется умолчание с функцией экспрессивного ограничителя: “**Вы это...** извините меня” (Шукшин, 1966). Умолчание в этом контексте реализует **ослабление субъективного значения**. То же явление наблюдаем в рассказе «*Кукушкины слёзки*»: “**Все вы...** только дай волю” (Шукшин, 1966).

5) *Функция демонстрации несформированности мысли* выражает неумение ее выразить, нежелание высказываться. Этот тип умолчания можно квалифицировать как яркий сигнал разговорности, определяемый спонтанной природой разговорной речи.

Характерные примеры данной функции встречаются в рассказе «*Коленчатые валы*»: “Иди, **я тебя по-по... это...** подожду здесь”; “**Я т-т-те по-по-кажу...**”; “**Вэ-в-выдешь тут...**”; “*А з-за... это... запасных валов нету*” (Шукшин, 1962).

В рассказе «*Змеиный яд*» тоже реализуется данная функция: “**Да нужно тут... пареньку одному... Посмотри, посмотри...** Славный парень, хочется помочь” (Шукшин, 1964).

6) *Передача отношений противопоставления между наличествующей и опущенной частями*. Противопоставленная функция (антитеза) имеет стилистическую фигуру контраста, резкого противопоставления понятий, положений, образов, состояний и т.п., которая усиливает эмоциональность, подчёркивает мысль автора. Ниже рассмотрим характерные примеры из текстов.

Стилистическая фигура умолчания с **усилением эмоциональности мысли автора** использована в рассказе «*Правда*»: “**Недостатки, положим, были названы, но... и то, я вам скажу, схитрили вы здесь**” (Шукшин, 1961).

Стилистическая фигура умолчания с **резким противопоставлением положения** имеет место в рассказе «*Стенька Разин*»: “**Хотел пойти выпить, но... не надо**” (Шукшин, 1962).

Стилистическая фигура умолчания с **усилением противопоставления мысли автора** наблюдается в рассказе «*Стенька Разин*»: “**Вместе их... Но брат – тот... Ладно**” (Шукшин, 1962); в рассказе «*Воскресная тоска*»: “**Она, конечно, не талантливый инженер, но... в конце концов надо же**

кому-то и помогать талантливым инженерам” (Шукшин, 1962); в рассказе «Ваня, ты как здесь?!»: “*Не артистом, а... ну, в общем, работать на трикотажную фабрику*” (Шукшин, 1966).

Стилистическая фигура умолчания с **резким противопоставлением состояния** использована в рассказе «*Критики*»: “*Любит... Ну и люби на здоровье, но зачем же...*” (Шукшин, 1964).

7) *Акциональная функция* подразумевает выполнение какого-либо действия в молчании. Она проявляется при молчаливом выполнении какого-либо действия: извинения, прощания, примирения и т.д.

При выражении примирения наблюдаем это в рассказе «*Светлые души*»: “*Михайло потер ладонью щеку, посмотрел на машину, ушел в избу. Поискал еще под печкой, заглянул под кровать...*”; “*Разглядел только...*”; “*Михайло шумно вытер губы, распахнул дверь сеней...*” (Шукшин, 1961).

При выражении прощания данная функция проявляется в рассказе «*Стенька Разин*»: “*Кузнец развернул тряпку... и положил на огромную ладонь человечка, вырезанного из дерева*” (Шукшин, 1962).

Там же при выражении извинения: “*Когда «делалось», он часами не разгибался над верстаком - строгал и строгал ... швыркал носом и приговаривал тихонько ...*” (Шукшин, 1962).

4. Заключение

В ходе проведённого исследования было выявлено, что в художественном произведении В.М. Шукшина парцеллированная структура и фигура умолчания выполняют коммуникативную, а также эстетическую функции. Взаимодействие данных синтаксических средств выразительности в ХТ является эффективным средством выражения авторских интенций и образования контекстуальных и концептуальных смыслов. В этом отношении различные типы синтаксических конструкций представляют собой одно из активно употребляемых средств передачи авторских смыслов, из которых в определенной степени складывается концептуальная информация произведения.

Присутствие **парцеллированной структуры** в рассказах В.М. Шукшина реализует определенные функции: *характерологическую, изобразительную и эмоционально-выделительную*.

Диапазон функций **фигуры умолчания** представлен следующими функциями: 1) эвфемистической; 2) изобразительной; 3) психологической; 4) экспрессивного ограничителя; 5) демонстрации несформированности мысли; 6) передачи отношений противопоставления между наличествующей и опущенной частями; 7) *акциональной*, подразумевающей выполнение

какого-либо действия в молчании. Фигура умолчания безусловно потенциально способствует появлению новых смыслов в восприятии адресата.

Итак, проанализированные структуры ярко продемонстрировали свою стилистическую маркированность, а также их особое место в системе образных средств, характеризующих идиостиль В.М. Шукшина.

Список использованной литературы

- Авласевич, М. А. (1973). О парцелляции в современном русском литературном языке // *Вестник БГУ*, 1, 15-23.
- Ванников, Ю. В. (1978). *Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи*. Русский язык.
- Винокур, Г. О. (1991). *О языке художественной литературы*. Высшая школа.
- Иванчикова, Е. А. (1968). Парцелляция, её коммуникативно-экспрессивные синтаксические функции // *Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка*, 4, 277-301.
- Кожина, М. Н. (1987). О языковой и речевой экспрессии и её экстралингвистической обоснованности // *Проблемы экспрессивной стилистики*, 8-17.
- Мокроусова, О. Ю. (2011). *Номинативное предложение как единица текста: коммуникативно-прагматический аспект*. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук, Ростов-на-Дону.
- Прияткина, А. Ф. (1990). *Русский язык: синтаксис осложненного предложения*. Высшая школа.
- Сеничкина, Е. П. (2003). *Семантика умолчания и средства её выражения в русском языке*. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук, Москва.
- Черемисина, Н. В. (1989). *Русская интонация. Проза. Поэзия. Разговорная речь*. Русский язык.
- Шукшин, В. М. (1986). *Рассказы*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.
- Шукшин, В. М. (1994). *Я пришёл дать вам волю*. Джангар.
- Шукшин, В. М. (2006). *Позови меня в даль светлую. Рассказы. Повести. Записные книжки*. Эксмо.